

Кир Булычев

Журавль в руках

Кир Булычев
Журавль в руках

«ЭКСМО»

1976

Булычев К.

Журавль в руках / К. Булычев — «ЭКСМО», 1976

ISBN 5-699-12597-3

ISBN 5-699-12597-3

© Булычев К., 1976

© ЭКСМО, 1976

Содержание

Кир Булычев	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Кир Булычев

Журавль в руках

Базар в городе был маленький, особенно в будние дни.

Три ряда крытых деревянных прилавков и неширокий двор, на котором жевали овес запряженные лошади. С телег торговали картошкой и капустой.

Будто принимая парад, я прошел мимо крынок с молоком, банок со сметаной, кувшинов, полных коричневого тягучего меда, мимо подносов с крыжовником, мисок с черникой и красной смородиной, кучек грибов и горок зелени. Товары были освещены солнцем, сами хозяева скрывались в тени, надо было подойти поближе, чтобы их разглядеть.

Увидев ту женщину, я удивился, насколько она не принадлежит к этому устоявшемуся, обычному уютному миру.

В отличие от прочих торговок, женщина никого не окликала, не предлагала своего товара – крупных яиц в корзине и ранних помидоров, сложенных у весов аккуратной пирамидкой, словно ядра у пушки.

Она была в застиранном голубом ситцевом платье, тонкие загоревшие руки обнажены. Высокая, она смотрела над головами прохожих, словно глубоко задумавшись. Цвета волос и глаз я не разглядел, потому что женщина низко подвязала белый платок и он козырьком выдавался надо лбом. Если кто-нибудь подходил к ней, она, отвечая, улыбалась. Улыбка была несмелой, но светлой и доверчивой.

Женщина почувствовала мой взгляд и обернулась. Так быстро оборачивается лань, готовая бежать.

Улыбка растаяла в углах губ. Я отвел глаза.

И, как бывает со мной, я сразу придумал ей дом, жизнь, окружающих людей.

Она живет в далекой деревне, и ее муж, коренастый, крепкий и беспутный, велел продать накопившиеся за неделю яйца и поспевшие помидоры. Потом он пропьет привезенные деньги и, мучимый похмельным раскаянием, купит на остатки платочек маленькой дочери...

Мне хотелось услышать ее голос. Я не мог уйти, не услышав его. Я подошел и, стараясь не смотреть ей в глаза, попросил продать десяток яиц. Тетя Алена ничего мне не говорила о яйцах – она велела купить молодой картошки к обеду. И зеленого лука.

Я смотрел на тонкие руки с длинными сухими пальцами и не мог представить, как она такими пальцами может делать крестьянскую работу. На пальце было тонкое золотое колечко – я был прав, она замужем.

– Пожалуйста, – сказала женщина.

– Сколько я вам должен? – спросил я, заглянув ей в лицо (глаза у нее были светлые, но какого-то необычного оттенка).

– Рубль, – ответила женщина, сворачивая из газеты кулек и осторожно укладывая туда яйца.

Я взял пакет. Яйца были крупные, длинные, а скорлупа была чуть розоватой.

– Издалека привезли? – спросил я.

– Издалека. – Она не глядела на меня.

– Спасибо, – сказал я. – Вы завтра здесь будете?

– Не знаю.

Голос был низким, глухим, даже хрипловатым, и она произносила слова тщательно и раздельно, словно русский язык был ей неродным.

– До свидания, – сказал я.

Она ничего не ответила.

Когда я вернулся домой, тетя Алена удивилась моей неловкой лжи о том, что молодой картошки на рынке не было, взяла кулек с яйцами, отнесла его на кухню и оттуда крикнула:

– Чего ты купил, Коля? Яйца-то не куриные.

– А какие? – спросил я.

– Утиные, наверное... Почем платил?

– Рубль.

Я прошел на кухню. Тетя Алена выложила яйца на тарелку, и они в самом деле показались мне совсем не похожими на куриные. Я сказал:

– Самые обыкновенные «яйца, тетя. Куриные.

Тетя Алена чистила морковь. Она развела руками – в одной зажата морковь, в другой нож. Вся ее поза говорила: «Если тебе угодно...»

Тетя Алена – единственная оставшаяся у меня родственница. Пять лет подряд я обещал приехать к ней и обманывал. И вдруг приехал. Причиной тому был вдруг вспыхнувший страх перед временем, могущим отнять у меня тетю Алену, которая пишет обстоятельные письма со старомодными рассуждениями и укорами погоде, посылает поздравления к праздникам и дню рождения, ежегодные банки с вареньем и ничем не выказывает обид на мои пустые обещания. Когда я приехал, тетя Алена не сразу поверила своему счастью. Я знаю, что она иногда поднимается ночами и подходит ко мне, чтобы убедиться, что я здесь. Детей у нее не было. Мужа убили на фронте, и меня она любила более, чем я того заслуживал.

Не прошло и недели в этом тихом городке на краю полей и лесов, как я, в который раз убедившись, что отдыхать не умею, начал тосковать по неустроенной привычной жизни, по книжкам Вольфсона и Трепетова на верхней полке и своей заочной с ними полемике. Но уехать так вот, сразу, когда тетя Алена заранее грустила о том, как скоротечны оставшиеся мне здесь две недели, было жестоко.

– Ты, наверное, куриных яиц и не видел, – догнал меня голос тети Алены.

– И чем только вас в Москве кормят?

– Лучший способ разрешить наш спор, – ответил я, раскрывая старый номер «Иностранной литературы», – разбить пару-тройку яиц и поджарить.

Перед ужином я напомнил тете о своем решении.

– Может, до продовольственного добегу? – предложила тетя. – Простых куплю.

– Нет уж. Рискнем.

Поставив передо мной яичницу, тетя Алена налила заварки из чайника, извлеченного из-под подержанной, но все еще гордой ватной барыни, долила кипятком из самовара и отколола щипчиками аккуратный кубик сахара. Она делала вид, что мои эксперименты с яичницей ее не интересуют, плеснула чаю на блюдце, но в этот момент я занес вилку над тарелкой и она не выдержала.

– Я на твоём месте, – сказала она, – ограничилась бы чаем.

Желтки были оранжевыми, выпуклыми, словно половинки спелых яблок.

– Посолить не забудь, – подсказала тетя, полагая, что мною овладела нерешительность. В ее голосе звучала ирония. Она поправила очки, которые всегда съезжали на сухонький, острый нос. – Не робей.

Накус яичница была почти как настоящая, хотя, конечно, не приходилось сомневаться в том, что прекрасная незнакомка продала мне вместо куриных какие-то иные, неизвестные в наших краях яйца, и я доставил искреннее удовольствие тете Алене, спросив:

– А какие яйца у тетеревов?

– Почему только тетерева? Есть еще вальдшнепы, глухари и даже журавли и орлы. Все птицы несут яйца. – Тетя Алена много лет преподавала в младших классах, и ее назидательная ирония была профессиональной.

– Правильно, – не сдавался я. – Страусы, соловьи и даже утконосы. Но главное в яйцах – их питательность. И вкус. А яичница отменная.

– Чаю налить? – спросила тетя Алена.

Когда стемнело, я вдруг поднялся и отправился гулять. В городском парке я уселся на скамейку неподалеку от танцевальной веранды. Я курил, я был снисходителен к мальчишкам и девчонкам, плясавшим под плохой, но старательный оркестр, и даже поспорил с сердитым стариком, обличавшим моды и прически ребят с таким энтузиазмом, что я представил, как он приходит сюда каждый вечер, влекомый неправильностью того, что здесь происходит, и почти детским негативизмом. Призывая старика к терпимости, я неожиданно испугался того, что куда ближе к нему, чем к ребятам, и защищаю даже не их, а самого себя, каким был лет двадцать назад. А ребята, стоявшие неподалеку, слышали наш спор, но говорили о своем и тоже были снисходительны к нам. Что из того, что я могу представить себе, как накопилось электричество в невидной за желтыми фонарями туче и блеснуло зарницей над театрально подсвеченными деревьями, что я вижу энергию, которая заставляет присевшую на скамейку капельку росы подняться шариком, потому что выучил ненужный пока этим ребятам пустяк – *поверхностное натяжение воды при двадцати градусах равно 72,5 эрга на квадратный сантиметр*. И ребята в лучшем положении, чем брюзгливый старик: кто-то из них еще узнает эту цифру или другие цифры. И полюбит их. А старик уже ничего не полюбит.

– Всех стричь, – настаивал старик. – У них же там вши заведутся. Точно вам говорю.

Валя Дмитриев погиб этой весной, измеряя свободную энергию поверхности в грозовой туче. У него тоже были длинные волосы, до плеч, и как раз в тот день утром зам по кадрам устроил ему беседу о внешнем виде молодого ученого.

Я ушел.

Подобрав под себя ноги в толстых шерстяных носках – перед дождем мучил ревматизм, – тетя Алена сидела на продавленном диване и читала «Анну Каренину». Рядом лежал знакомый – от медных застежек до вытертого голубого бархата обложки – и в то же время начисто забытый за двадцать лет пухлый альбом с фотографиями.

– Помнишь? – спросила тетя Алена. – Я сегодня сундук разбирала и наткнулась. Раньше ты любил его разглядывать. Бывало, сидишь на этом диване и допрашиваешь меня: «А почему у дяди такие погоны? А как звали ту собаку?..»

Я положил тяжелый альбом на стол под оранжевый с кистями абажур и попытался представить, что увижу, открыв его. И не вспомнил.

Альбом раскрылся там, где между толстыми картонными листами с прорезями для углов фотографий была вложена пачка поздних снимков, собранных, когда мест на листах уже не осталось. И сразу увидел самого себя. Я, совершенно обнаженный, лежал на пузе с идиотской самодовольной ухмылкой на мордочке, не подозревая, какие каверзы готовит мне жизнь. Признал я себя в этом младенце только потому, что такая же фотография, призванная умилять родственниц, была у меня в Москве. Потом в пачке встретилась групповая картинка «Пятигорск, 1953 год», с которой мне улыбались пожилые учительницы на фоне пышной растительности. Среди них была и тетя Алена. На фотографиях встречались знакомые лица, больше было незнакомых – тетиных сослуживцев, местных жителей, их детей и племянников.

Интереснее было полистать сам альбом, с начала. Мой прадедушка сидел в кресле, прабабушка стояла рядом, положив руку ему на плечо. Прадедушка был в студенческой тужурке, и я заподозрил, что он сидел не из избытка тщеславия, а потому что был мал ростом, худ и во всем уступал своей жене. Это уже относилось к области семейных преданий. И я уже знал, что на следующей странице увижу тех же – прадедушку с прабабушкой, но пожилых, солидных, в иной одежде, окруженных детьми и даже внуками, а среди них и тетя Алена, помеченная у ног белым крестиком, – она когда-то сама пометила себя, чтобы не спутать с другими представителями того же поколения семьи Тихоновых. Дальше – моя мать и тетя Алена, юбки до

щиколоток и высокие зашнурованные башмаки. Они очень похожи и почему-то взволнованны. Фотографу удалось вызвать в их глазищах этот восторг. Птичку он им, что ли, показал? Это уже где-то незадолго до революции. Потом было несколько фотографий незнакомых мне, вернее, забытых людей.

– Кто это, не могу вспомнить...

Тетя Алена отложила «Анну Каренину», поднялась с дивана, наклонилась ко мне.

– Мой жених, – сказала она. Ты его, конечно, не знаешь. Он после революции в Вологде жил, каким-то начальником стал. А тогда, в шестнадцатом, его звали моим женихом. Не помню уж, почему. Очень я стеснялась. И этих ты тоже не можешь знать. Это врачи нашей земской больницы. Они отправлялись на фронт в санитарном поезде. Второй справа – мой дядя Семен. Отличный, говорят, был врач, золотые руки. Среди земских врачей, должна тебе сказать, были замечательные подвижники. Моего дядю лично знал Чехов, они с ним на холере работали.

– А что потом с ним случилось?

– Он погиб в девятнадцатом году. И его невеста погибла.

Дядя был суров, фуражка низко надвинута на лоб, шинель сидит неловко, словно он взял на складе первую попавшуюся.

– Где ж его невеста? – задумалась тетя Алена. – Ее, кажется, Машей звали. Рассказывали, что, когда Семен погиб, она дня два была как окаменелая. А потом исчезла. И никто ее никогда больше не видел.

– Может быть, она куда-нибудь уехала?

– Нет. Я знаю, что она погибла. Она без него жить не могла. – Тетя Алена листала альбом. – Ага, вот она, завалилась.

Почему-то невесту дяди Семена сфотографировали отдельно. Наверное, он сам попросил, чтобы иметь ее фотографию.

Снимок порыжел от времени. Он был наклеен на картон. Внизу вязью выдавлены фамилия и адрес фотографа. Маша была в темном платье с высоким стоячим воротником, в наколке с красным крестом.

Я знал ее.

Не только потому, что видел двадцать лет назад в этом альбоме, а может, и слышал уже о ее судьбе. Нет, я ее видел вчера на базаре. Значит, она не погибла... Чепуха какая-то. Я даже зажмурился, чтобы отогнать наваждение. Женщина на фотографии не улыбалась. Она смотрела серьезно – люди на старых фотографиях всегда серьезны, выдержка камер тех лет была велика, и улыбка не удерживалась на лице. Они собирались к фотографу в Вологде все вместе. Начинаясь семнадцатый год. Маша опоздала. Прибежала, когда фотограф уже складывал пластинки. А доктор Тихонов, немолодой, некрасивый, умный, золотые руки, уговорил сестру милосердия Марию сфотографироваться отдельно. Для него. Один снимок взял с собой. Другой оставил дома. И ничего не осталось от этих людей. Лишь маленький клочок их жизни, те драгоценные, крепкие, казалось бы, вечные узы, которые связывали их когда-то, живут еще в памяти тети Алены. И теперь в моей памяти. И почему-то в этих местах через много лет должна была вновь родиться Маша.

– Если хочешь поподробнее прочесть про дядю Семена, возьми книжку, я тебе достану. В Вологде вышла. «Выдающиеся люди нашего края». Там есть о дяде Семене. Несколько строк, конечно, но есть. Автор меня разыскал, он специально приходил...

Маша смотрела на меня серьезно, и белая наколка закрывала лоб, словно платок вчерашней незнакомки.

Тетя Алена долго укладывалась за стенкой, вздыхала, бормотала что-то, шуршала страницами книги. Далеко брехали собаки, и время от времени наш Шарик врывался в собачью беседу и тявкал под окном. По улице пронесся мотоцикл без глушителя, и не успел грохот мотора заглухнуть вдали, как мотоциклист развернулся и снова пронесся мимо, наверное, чтобы пора-

довать меня замечательной работой мотора. «Василий, – раздался за палисадником женский голос, – если не достанешь ребенку бадминтон, то я вообще не представляю, на что ты годен». Я посмотрел на часы. Без двадцати час. Самое время поговорить о бадминтоне.

...Листва яблони под окном была черной, но черной неодинаково – это создавало видимость объема, и дальние листья пропускали толику серого небесного сияния. На темно-сером летнем северном небе все никак не могли разгореться звезды, и, вздрагивая, листья сбрасывали их с шелкового полога. Но одна из звезд сумела пронзить лучом листву и, разгораясь, спустилась по этой дорожке к самому окну. Мягкое сияние проникло в комнату. Надо было бы встать, поглядеть, что происходит, но тело отказалось сделать хоть какое-то усилие. Кровать начала медленно раскачиваться, как бывает во сне, но я знал, что не сплю и даже слышу, как Василий длинно и скучно оправдывается, сваливая вину на кого-то, кто обещал, но обманул. Женщина с рынка вошла в комнату, причем умудрилась при этом не колыхнуть занавеской, не скрипнуть дверью. Она была странно одета

– светлый длинный мешок, кое-где заштопанный, с прорезями для головы и рук, доставал до колен.

Ноги были босы и грязны. Женщина приложила к губам палец и кивнула в сторону перегородки. Она не хотела будить тетю Алену. Женщину звали Луш. Это было странное имя, даже неблагозвучное, но его легко было шептать: оно показалось мне пушистым.

...Мне не хотелось входить вслед за Луш в отверстие пещеры, потому что в темноте скрывалось нечто страшное, опасное – даже более опасное и страшное для Луш, чем для меня, потому что оно могло оставить там Луш навсегда. Луш протянула длинную тонкую руку и крепко обхватила мою твердыми пальцами. Нам надо было спешить, а не думать о страшном.

Я потерял Луш в переходе, освещенном тусклыми факелами, которые горели там так давно, что потолок на два пальца был покрыт черной копотью. Но я не мог войти в зал, где было слишком светло, потому что тогда я не выполнил бы обещанного...

– Ты чего не спишь? – спросила тетя Алена из-за перегородки. – Туши свет.

Я был благодарен тете Алене за то, что она вывела меня из пещеры. Но тревога за Луш осталась, и, отвечая тете Алене: «Сейчас тушу», я уже понимал, что мне пригрелся приход женщины, хотя я был уверен, что, если бы тетя Алена мне не помешала, я бы нашел Луш и постарался вывести ее из пещеры, откуда никто еще не выходил.

Ночью я несколько раз снова оказывался в подземелье и снова и снова шел тем же коридором, останавливаясь перед освещенным залом и кляня себя за то, что не могу переступить круг света. Луш я больше не видел.

Я проснулся рано, разбитый и переполненный все тем же иррациональным, так не вяжущимся с действительностью беспокойством за эту женщину.

– Как спал? – Тетя Алена вошла в комнату и стала поливать герань на подоконнике. – Хорошие сны видел?

Для нее смотрение снов – занятие, сходное с походом в кино. Я же сны вижу редко. И сразу забываю. Я вскочил с диванчика, и он взвыл всеми своими пружинами.

– Пойдешь за грибами?

– Нет, поброжу по городу.

– Только яиц больше не покупай, – засмеялась тетя Алена. – Ты еще вчерашние не доел.

Через час я был на рынке. Я прошел мимо крынок с молоком и ряженкой, мимо банок с коричневым тягучим медом, подносов с крыжовником и кислой красной смородиной. Вчерашней женщины не было, да и не должно было быть.

На следующее утро – не пропадать же добру – тетя Алена сварила мне еще два яйца, в мешочке. Через полчаса после завтрака, на пляже, за городским парком, я почувствовал жужжание в голове и увидел, как в небе среди облаков плывет остров, но смотрю я на него не снизу, как положено, а сверху. На плохо убранное поле, на стоящие вокруг хижины, обнесенные

высоким покосившимся тыном. Луш выбежала из хижины к сухому дереву, на котором висел человек, и стала мне махать, чтобы я скорее к ней спускался. Но я не мог спуститься, потому что я был внизу, на пляже, а остров летел среди облаков. Рядом со мной мальчишки играли в волейбол полосатым детским мячом, а у ларька с лимонадом и мороженым кто-то уверял продавщицу, что обязательно принесет бутылку обратно. Я смотрел сверху на удаляющийся остров, и фигурка Луш стала совсем маленькой; она выбежала в поле, а те, кто гнались за ней, уже готовы были выпрыгнуть из-за тына. Потом я заснул и проспал, наверное, часа два, потому что, когда очнулся, солнце поднялось к зениту, обожженная спина саднила, киоск закрылся, волейболисты переплыли на другой берег и там играли детским полосатым мячом в футбол.

По роду своей деятельности я пытаюсь связывать причины и следствия. Придя домой, я вынул из шкафа на кухне оставшиеся пять яиц, переложил их в пустую коробку из-под туфель и перенес к себе за перегородку. Тети Алены не было дома. Я поставил коробку на шкаф, чтобы до нес не добрался кот. Я думал отвезти яйца в Москву, показать одному биологу.

Но моя идея лопнула на следующий же день. Я проснулся от грохота. Кот свалился со шкафа вместе с коробкой. По полу, сверкая под косым лучом утреннего солнца, разлилось месиво из скорлупы, белков и желтков. Кот, ничуть не обескураженный падением, крался к диванчику. Я свесил голову и увидел, что туда же, с намерением скрыться в темной щели, ковыляет пушистый, очень розовый птенец побольше цыпленка, с длинным тонким клювом и ярко-оранжевыми голенастыми ногами.

– Стой! – крикнул я коту. Но опоздал.

В двух сантиметрах от протянутой руки кот схватил цыпленка и извернулся, чтобы не попасть мне в плен. На подоконнике он задержался, нагло сверкнул на меня дикими зелеными глазами и исчез. Пока я выпутывался из простынь и бежал к окну, кота и след простыл.

Я стоял, тупо глядя на разбитые яйца, на лежащую на боку коробку из-под туфель. Вернее всего, кот услышал, как птенец выбирается на свет, заинтересовался и умудрился взобраться на шкаф.

– Что там случилось? – спросила тетя Алена из-за перегородки. – С кем воюешь?

– Твой кот все погубил.

В необычного цыпленка тетя не поверила. Сказала, что мне померещилось со сна. А про разбитые яйца добавила:

– Не надо было из кухни выносить. Целее были бы.

Мне не приходилось видеть ярко-розовых цыплят, которые выводятся из яиц, внушающих грезы наяву. Притом существовала прекрасная незнакомка, присутствие которой придавало сюжету загадочность.

Я решил самым тщательным образом обыскать палисадник, столь прискорбно уменьшившийся со времени моих детских приездов сюда. Тогда он казался мне обширным, дремучим, впору заблудиться. А всего-то умещались в нем, да и то в тесноте, два куста сирени, корявая яблоня, дарившая тете Алене кислые дички на повидло, да жасмин вдоль штакетника. Зато ближе к дому, там, куда попадал солнечный свет, пышно разрослись цветы и травы – флоксы, золотые шары, лилии и всякие другие полу одичавшие жители бывших клумб или грядок, порой случайные пришельцы с соседних садов и огородов – из травы и полыни поднимались курчавые шапки моркови, зонтики укропа и даже одинокий цветущий картофельный куст. На его листе я и нашел клочок розового пуха.

Принеся пух домой, я заклеил его в почтовый конверт. Если науке известны такие птицы, розового пуха должно хватить.

– На базар? – спросила проницательная тетя Алена.

– Погулять собрался, – сказал я.

Ту женщину я увидел только на пятый день. Я ходил на рынок, как на службу. Проходил его три, четыре, пять раз за день. Примелькался торговкам и сам знал их в лицо. На пятый день

я увидел ее и сразу узнал, хотя она была без платка и лицо ее, обрамленное тяжелыми светлыми волосами, странным образом изменилось, помягчело. С реки дул свежий ветерок, она накинула на плечи черный с розами платок, и концы волос шевелились, взлетали над черным полем. Глаза ее были зелеными, брови высоко проведены по выпуклому лбу. У нее были полные, но не яркие губы и тяжеловатый для такого лица подбородок.

Она не сразу заметила меня – была занята с покупателями. На этот раз перед ней лежала грудка больших красных яблок, и у прилавка стояла небольшая очередь.

Я уже привык приходить на рынок и не заставлять ее. Поэтому ее появление здесь показалось сначала продолжением грез, в которых ее зовут Луш.

Мне некуда было спешить; чтобы успокоиться, я отошел в тень и следил за тем, как она продает яблоки. Как устанавливает на весы гири и иногда подносит их к глазам, будто она близорука или непривычна к гилям. Как всегда, добавляет лишнее яблоко, чтобы миска весов с плодами перевешивала. Как прячет деньги в потертый кожаный плоский кошелек и оттуда же достает сдачу, тщательно ее пересчитывая.

Когда гора яблок на прилавке уменьшилась, я встал в очередь. Передо мной было три человека. Она все еще меня не замечала.

– Здравствуйте. Мне килограмм, пожалуйста, – сказал я, когда подошла моя очередь. Женщина не подняла глаз.

– Мало берешь, – встряла старушка, отходящая от прилавка с полной сумкой. – Больше бери, жена спасибо скажет.

– Нет у меня жены.

Женщина подняла глаза. Она наконец согласилась меня признать.

– Вы меня помните? – спросил я.

– Почему же не помнить? Помню.

Она быстро кинула на весы три яблока, которые потянули на полтора кило.

– Рубль, – сказала она.

– Большое спасибо. Здесь больше килограмма.

Я не спеша копался в карманах, отыскивая деньги.

– А яиц сегодня нет?

– Яиц нет, – ответила женщина. – Яйца случайно были. Я их вообще не продаю.

– А вы далеко живете?

– Молодой человек, – сказал мужчина в парусиновой фуражке и слишком теплом, не по погоде, просторном костюме. – Закончили дело, можете не любезничать. У меня обеденный перерыв кончается.

– Я далеко живу, – объяснила женщина.

Мужчина отгеснил меня локтем.

– Три килограмма, попрошу покрупнее. Можно подумать, что вы не заинтересованы продать свой товар.

– Вы еще долго здесь будете? – спросил я.

– Я сейчас заверну, – предложила женщина. – А то нести неудобно.

– Сначала попрошу меня обслужить, – вмешался мужчина в фуражке.

– Обслужите его, – согласился я. – У меня обеденный перерыв только начинается.

Когда мужчина ушел, женщина взяла у меня яблоки, положила их на прилавок и принялась сворачивать газетный кулек.

– А яблоки тоже особенные? – спросил я.

– Почему же особенные?

– Яйца оказались не куриными.

– Да что вы... если вам не понравилось, я деньги верну.

Она потянулась за кожаным кошельком.

– Я не обижаюсь. Просто интересно, что за птица...

– Вы покупаете? – спросили сзади. – Или так стоите?

Я отошел. Яблоки кончились. Я встал в тени, достал из кулька одно из яблок, вытер его носовым платком и откусил. Женщине видны были мои действия, и, когда я вертел яблоко в руке, разглядывая, я встретил ее взгляд. Я тут же улыбнулся, стараясь убедить ее улыбкой в своей полной безопасности, она улыбнулась в ответ, но улыбка получилась робкой, жалкой, и я понял, что лучше уйти, пожалеть ее. Но уйти я не смог. И дело было не только в любопытстве: я боялся, что не увижу ее снова.

Женщина не торопилась, движения ее потеряли сноровку и стали замедленными и неловкими, словно она оттягивала тот момент, когда отойдет последний покупатель и вернусь я.

Яблоко было сочным и сладким. Такие у нас не растут, а если и появятся в саду какого-нибудь любителя-селекционера, то не раньше августа. Мне показалось, что яблоко пахнет ананасом. Я добрался до середины и вытащил из огрызка косточку. Косточка была одна. Длинная, острая, граненая. Никакое это не яблоко.

Я видел, как женщина высыпала из корзины последние яблоки, сложила деньги в кошелек, закрыла его. И тогда, сделав несколько шагов к ней, я произнес негромко:

– Луш.

Женщина вздрогнула, выронила кошелек на прилавок. Она хотела подобрать его, но рука не дотянулась, замерла в воздухе, словно женщина сжалась, замерла в ожидании удара, когда все, что было до этого, теряет всякий смысл перед физической болью.

– Простите, – сказал я, – простите. Я не хотел вас испугать...

– Меня зовут Мария Павловна. – Голос был сонный, глухой, слова заученные, как будто она давно ждала этого момента и в страхе перед его неминуемостью репетировала ответ. – Меня зовут Мария Павловна.

– Именно так. – Второй голос пришел сзади, тихий и злой. – Мария Павловна. И вас это не касается.

Небольшого роста пожилой человек с обветренным темным лицом, в выгоревшей потертой фуражке лесника отодвинул меня и накрыл ладонями пальцы Марии Павловны.

– Тише, Маша, тише. Люди глядят. – Он смотрел на меня с таким холодным бешенством в белесых глазах, что у меня мелькнуло: не будь вокруг людей, он мог бы и ударить.

– Извините, – смутился я. – Я не думал...

– Он пришел за мной? – спросила Маша, выпрямляясь, но не выпуская руки лесника.

– Ну что ты, что ты... Молодой человек обознался. Сейчас домой поедем.

– Я уйду, – сказал я.

– Иди.

Я не успел отойти далеко. Лесник догнал меня.

– Как ты ее назвал? – спросил он.

– Луш. Это случайно вышло.

– Случайно, говоришь?

– Приснилось.

Я говорил ему чистую правду, и я не знал своей вины перед этими людьми, по вина была, и она заставляла меня послушно отвечать на вопросы лесника.

– Имя приснилось?

– Я видел Марию Павловну раньше. Несколько дней назад.

– Где?

– Здесь, на рынке.

Лесник, разговаривая со мной, поглядывал в сторону прилавка, где женщина неловко связывала пустые корзины, складывала на весы гири, собирала бумагу.

– И что дальше?

- Я был здесь несколько дней назад. И купил десяток яиц.
- Сергей Иванович, – окликнула женщина, – весы сдать надо.
- Сейчас помогу.

Кто он ей? Он старше вдвое, если не втрое. Но не отец. Отца по имени-отчеству в этих краях не называют.

Лесник не хотел меня отпускать.

– Держи. – Он протянул мне чашку весов, уставленную кеглями гирь. Сам взял весы. Мария Павловна несла сзади пустые корзины. Она шла так, чтобы между нами был лесник.

– Маша, ты яйцами торговала? – спросил лесник.

Она не ответила.

– Я ж тебе не велел брать. Не велел, спрашиваю?

– Я бритву хотела купить. С пружинкой. Вам же нужно?

– Дура, – сказал лесник.

Мы остановились у конторы рынка.

– Заходи, – велел он мне.

– Я тоже, – сказала Маша.

– Подождешь. Ничего с тобой здесь не случится. Люди вокруг.

Но Маша пошла с нами и, пока мы сдавали весы и гири сонной дежурной, молча стояла у стены, оклеенной санитарными плакатами о вреде мух и бруцеллезе.

– Я вам деньги отдам, – сказала Маша леснику, когда мы вышли, и протянула кошелек.

– Оставь себе, – проворчал Сергей Иванович.

Мы остановились в тени за служебным павильоном. Лесник посмотрел на меня, приглашая продолжить рассказ.

– Яйца были необычными, – продолжал я. – Крупнее куриных и цвет другой... Потом я увидел сон. Точнее, я грезил наяву. И в этом сне была Мария Павловна. Там ее звали Луш.

– Да, – сказал лесник.

Он был расстроен. Ненависть ко мне, столь очевидная в первый момент, исчезла. Я был помехой, но не опасной.

– Мотоцикл у ворот стоит, – показал лесник Маше. – Поедем? Или ты в магазин собралась?

– Я в аптеку хотела. Но лучше в следующий раз.

– Как хочешь. – Лесник посмотрел на меня. – А вы здесь что, в отпуске?

– Он стал официально вежлив.

– Да.

– То-то я вас раньше не встречал. Прощайте.

– До свидания.

Они ушли. Маша чуть сзади. Она сутулилась, может, стеснялась своего высокого роста. На ней были хорошие, дорогие туфли, правда, без каблучков.

Я не сдержался. Понял, что никогда больше их не увижу, и догнал их у ворот.

– Погодите, – попросил я.

Лесник обернулся, потом махнул Маше, чтобы шла вперед, к мотоциклу.

– Сергей Иванович, скажите только, что за птица? Я ведь цыпленка видел.

Маша молча привязывала пустые корзины к багажнику.

– Цыпленка?

– Ну да. Розовый, голенастый, с длинным клювом.

– Бог его знает. Может, урод вылупился. От этого... от радиации... Вообще-то яйца обыкновенные.

Лесник уже не казался ни сильным, ни решительным. Он как-то ссохся, постарел и даже стал невзрачным.

- И яблоки обыкновенные?
- К чему нам людей травить?
- Такие здесь не растут.
- Обыкновенные яблоки, хорошие. Просто сорт такой.

Сергей Иванович пошел к мотоциклу. Маша уже ждала его в коляске.

Из ворот рынка вышел человек, похожий на арбуз. И нес он в руке сетку, в которой лежало два арбуза. Арбузы были ранние, южные, привез их молодой южанин, задумчивый и рассеянный, как великий математик из журнального раздела «Однажды...». Продавал он эти арбузы на вес золота, и потому брали их неохотно, хотя арбузов хотелось всем.

– Сергей! – возопил арбузный толстяк. – Сколько лет!

Лесник поморщился, увидев знакомого.

– Как жизнь, как охота? – Толстяк поставил сетку на землю, и она тут же попыталась укатиться. Толстяк погнался за ней. – Все к вам собираемся, по дела, дела...

Я пошел прочь. Сзади раздался грохот мотора. Видно, лесник не стал вступать в беседу. Мотоцикл обогнал меня. Маша обернулась, придерживая волосы. Я поднял руку, прощаясь с ней.

Когда мотоцикл скрылся за поворотом, я остановился. Арбузный человек переходил улицу. Я настиг его у входа в магазин.

– Простите, – сказал я. – Вы, я вижу, тоже охотник.

– Здравствуйте, рад, очень рад. – Арбузный человек опустил сетку на асфальт, и я помог ему поймать арбузы, когда они покатались прочь. Мы придерживали беспокойную сетку ногами.

– Охота – моя страсть, – сообщил толстяк. – А не охотился уже два года. Можете поверить? Вы у нас проездом?

– В отпуске. Вы, я слышал, собираетесь...

– К Сергею? Обязательно его навещу! Тишь, природа, ни души на много километров. Чудесный человек, настоящий русский характер, вы меня понимаете? Только пьет. Ох, как пьет! Но это тоже черта характера, вы меня понимаете? Одиночество, он да собака...

– Разве он был не с женой?

– Неужели? Я и не заметил. Наверное, подвозил кого-то. А как он знает лес, повадки зверей и птиц, даже ботанические названия растений – не поверите! Вы не спешите? Я тоже. Значит, так, купим чего-нибудь и ко мне, пообедаем. Надеюсь, не откажете...

До деревни Селище по шоссе я ехал на автобусе. Оттуда попутным грузовиком до Лесновки, а дальше пешком по проселочной дороге, заросшей между колеями травой и даже тонкими кустиками. Дорогой пользовались редко. Она поднималась на поросшие соснами бугры, почти лишенные подлеска, и крепкие боровики, вылезавшие из сухой хвои, были видны издали. Потом дорога ныряла в болотце, в колеях темнела вода, по сторонам стояла слишком зеленая трава и на кочках синели черничины. Стоило остановиться, как остервенелые комары впивались в щиколотки и в шею. На открытых местах догоняли слепни – они вились, пугали, но не кусали.

Охотник я никакой. Я выпросил у тети Алёны ружье ее покойного мужа, отыскал патроны и пустой рюкзак, в который сложил какие-то консервы, одеяло и зубную щетку. Но маскарад не был предназначен для лесника, скорее, он должен был обмануть тетю Алёну, которой я сказал, что договорился об охоте со старым знакомым, случайно встреченным на улице.

Трудно было бы вразумительно объяснить – и ей, и кому угодно, себе самому, наконец, – почему я пристал к арбузному толстяку Виктору Донатовичу, добрейшему ленивому чревоугоднику, живущему мечтами об охотах, о путешествиях, которые приятнее предвкушать, чем совершать; пришел к нему в гости, обедал, был любезен с такой же ленивой и добродушной

его супругой, скучал, но получил-таки координаты лесника. Чем объяснить мой поступок? Неожиданной влюбленностью? Тайной – грезы, цыпята, яблоки, страх женщины, которой знакомо странное имя Луш, гнев лесника? Просто собственным любопытством человека, который не умеет отдыхать и оттого придумывает себе занятия, создающие видимость деятельности? Или недоговоренностью? Привычкой раскладывать все по полочкам? Или, наконец, бегством от собственных проблем, требующих решения, и желанием отложить это решение за видимостью более неотложных дел? Ни одна из этих причин не была оправданием или даже объяснением моей выходки, а вместе они неодолимо толкали бросить все и уйти на поиски принцессы, Кашея, живой воды и черт знает чего. В оправдание могу сказать, что шел все-таки с тяжелым сердцем, потому что был гостем нежданным и, главное, нежеланным. Не нужен я был этим людям, неприятен. И будь я лучше или хотя бы сильнее, то постарался бы забыть обо всем, так как сам отношу назойливость к самым отвратительным свойствам человеческой натуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.